

ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

© 2008 А.А.Киреев

Благовещенский государственный педагогический университет

В статье рассматриваются вопросы военного присутствия США на Ближнем Востоке как часть политики контролирования ключевых регионов мира. Увеличение военного присутствия США в регионе было вызвано неспособностью местных государств создать систему коллективной безопасности. Это вызывало нестабильность и угрозу интересам США.

Основы военной политики, как составной части стратегии национальной безопасности США, подверглись после окончания холодной войны пересмотру. Это было вызвано изменениями в геополитической обстановке, а также уверенностью американских политиков и военных в беспорном лидерстве Соединенных Штатов в мировом сообществе. В то же время, администрация Клинтона ставила на первый план вопросы внутренней политики и экономики. Военное строительство занимало второстепенные позиции, так как администрация надеялась влиять на глобальные и региональные процессы через международные организации и посредством дипломатии.

В докладе о национальной безопасности от 1994 г. говорилось, что вооруженные силы не только осуществляют миссию по поддержанию безопасности страны, но способствуют оживлению экономики и развитию демократии за рубежом [10, С. 1]. Таким образом, доктринально признавалось, что военная сила составляет важнейшую опору глобальной геополитики США.

Это имело непосредственное отношение к вопросам военного присутствия в ключевых регионах мира. Ближний Восток являлся районом, который с 1980-х гг. был вписан в военное планирование Пентагона, когда здесь создали Центральное командование (CENTCOM) и началось развертывание сил быстрого реагирования США. Ирано-иракская война и операция "Буря в пустыне" по освобождению Кувейта от иракской оккупации привели к еще большему увеличению американского военного присутствия в регионе.

Администрация Клинтона не собиралась отступать с этих позиций. Как свидетельствовали официальные документы, она стремилась

сохранить сложившийся региональный военно-политический баланс, используя политику "сдерживания-устрашения". Кроме этого, "критическим приоритетом" признавалась борьба с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ). Для этого США должны были сохранять способность наносить ответный удар тем, кто решится применить ОМУ [10, С. 3]. Все это соответствовало положению на Ближнем Востоке, где необходимо было сохранять хрупкий региональный военно-политический баланс и одновременно противостоять попыткам ряда стран обзавестись ОМУ (Ирак, Иран, Ливия, Сирия).

В 1993 г. министр обороны США Л.Эспин отметил в своем докладе первостепенность угроз для группировок американских войск, размещенных в том или ином регионе мира, со стороны враждебных государств, которые стремятся получить ОМУ [3, С. 2 – 5]. В 1995 г. в докладе У.Перри эти идеи получили продолжение, а также был расширен список угроз. В частности, в сферу ответственности вооруженных сил США были включены:

- попытки региональных сил, враждебных Соединенным Штатам, добиться гегемонии над своим регионом путем агрессии;
- внутренние конфликты среди этнических, национальных, религиозных или клановых групп, подрывающие стабильность и международный порядок;
- угроза со стороны потенциальных противников получить или использовать ОМУ;
- подрывные действия и незаконные, направленные против союзных США правительства;

- угрозы американскому экономическому благополучию и конкурентоспособности [12, С. 1 – 2].

Доклад Перри был полностью ориентирован на мнение президента Клинтона и его команды. В частности, в упомянутом выше Докладе президента от 1994 г. говорилось, что готовность к отражению вызовов национальной безопасности США зависит от "долгосрочных отношений с союзниками и другими дружественными государствами" [10, С. 2 – 3].

Приоритетность военно-силового подхода при решении разнообразных стратегических задач нашла свое отражение при формулировании основных направлений деятельности вооруженных сил в доктрине "расширения и участия". Региональный компонент этой стратегии обнаруживается на первом месте и проходит красной нитью через все основные задачи вооруженных сил США.

Во-первых, доктрина утверждает участие в наиболее важных региональных конфликтах "в более чем одном регионе" [10, С. 6 – 7]. Относительно Ближнего Востока подтверждаются обязательства перед союзными режимами – Саудовской Аравией, ОАЭ, Кувейтом. Одновременно имелась вавиду защита союзников в Восточной Азии – Японии и Южной Корее. Несмотря на сомнения в осуществлении такой миссии в двух регионах с военно-технической точки зрения, большинство экспертов отмечали, что эти сценарии представляют собой наиболее реальные варианты угрозы крупномасштабного нападения [7, С. 47].

Во-вторых, сохранение устойчивого присутствия за рубежом, особенно в ключевых регионах для сдерживания агрессии.

В-третьих, противодействие распространению ОМУ. Поскольку главной угрозой здесь являлись "проблемные" страны, стремящиеся овладеть ОМУ, основной акцент делался на региональном сдерживании. В этом большую роль должны были играть американские воинские контингенты, расположенные в ключевых регионах [10, С. 13].

В-четвертых, предоставление сил и средств при проведении многосторонних миротворческих операций. В конгрессе США поднимался вопрос об использовании американских военных для проведения миротворческой миссии в районе Голанских высот при решении

спорных территориальных вопросов, которые имелись между Израилем и Сирией [5, С. 10].

В-пятых, обеспечение операций по борьбе с терроризмом и других задач национальной безопасности. В 1994 г. бывший сотрудник Совета национальной безопасности (СНБ) Ричард Хаас сформулировал концепцию превентивного удара для двух видов объектов: базы террористов и центры по разработке и производству ОМУ [6, С. 21].

Повышение роли военного присутствия за рубежом также стало центральной темой доклада министра обороны США У.Перри в 1995 г. В задачи американских войск в рамках присутствия на иностранных территориях в мирное время входило:

- содействие сдерживанию агрессии, авантюризма и угроз против союзников и друзей США и их интересов в критических регионах мира;
- повышение способности Соединенных Штатов быстро и эффективно реагировать на кризисы;
- улучшение доступа американских вооруженных сил к объектам военной и транспортной инфраструктуры;
- усиление возможностей американских вооруженных сил осуществлять совместные с вооруженными силами других государств операции;
- укрепление региональной стабильности путем силового сдерживания соперничества и конкуренции между региональными силами [12, С. 21].

Таким образом, американская военная стратегия оставалась основанной на традиционных принципах передового базирования и стратегической мобильности. Исследователями отмечался тот факт, что задача сдерживания региональных конкурентов являлась самостоятельной и ставилась выше укрепления региональной стабильности [2, С. 171]. Получила дальнейшее развитие концепция сохранения и опоры на союзнические связи. Это было особенно важно, так как для США большинство потенциальных конфликтов являлись региональными. Отсюда интерес американских военных аналитиков в сохранении действенной системы союзных отношений [13, С. 109].

Одновременно в США высказывались и другие мнения по поводу сохранения военного присутствия за рубежом. Так, Х.Ульман со-

трудник Центра военно-морского анализа и Центра проблем международной безопасности и У.Гетлер, журналист-международник, предлагали вместо рассредоточения боевых подразделений по основным "опорным пунктам" в различных регионах мира иметь мощный воинский контингент, находящийся в повышенной степени боеготовности. Эти силы могли бы перебрасываться в кризисный регион, где использовались бы заблаговременно складированную боевую технику и имущество [14, С. 31].

Однако в этом случае терялась гибкость американской военной политики. С другой стороны, некоторые американские аналитики утверждали, что опора США на региональных союзников также ограничивает возможности интервенции в региональных конфликтах, поскольку противник в ответ на действия США может нанести удар против их слабейших региональных союзников [8, С. 173].

Признавая, частично, эти ограничения, администрация Клинтона стремилась ограничить количество ситуаций, которые могли бы привести к военному вмешательству за рубежом. Так, в ноябре 1993 г. госсекретарь У.Кристофер, выступая в конгрессе с речью по вопросу о конфликтах в постбиполярном мире, отметил, что не все они затрагивают интересы США, а, значит, не требуют прямого участия [4, С. 166]. Эту точку зрения разделял и У.Перри говоря в своем докладе, что угроза жизненно важным интересам США не обязательно означает немедленного использования силы с их стороны [12, С. 15]. Однако для реализации данного тезиса было необходимо объяснить, для защиты каких союзников и интересов США готовы использовать войска немедленно, а для каких – нет. На этот шаг администрация Клинтона не пошла. Это означало бы поставить под сомнение статус Соединенных Штатов как державы, обеспечивающей стабильность в глобальном масштабе.

В докладе У.Перри вместо четких критериев использования военной силы приводились лишь факторы, учет которых обязателен при принятии решения [12, С. 16 – 17]. Это давало администрации Клинтона определенную свободу рук.

В регионе Ближнего Востока, согласно докладу У.Перри, не планировалось постоянно размещать какие-либо войска. Однако США сохраняли способность развертывания в дан-

ном регионе в короткое время воинского контингента эквивалентного двум бригадам за счет предварительного складирования снаряжения. Основным сценарием служили события, связанные с войной в Персидском заливе 1990 – 1991 гг. [12, С. 175]

Тем не менее, постоянное военное присутствие американских войск на Ближнем Востоке стало главным фактором региональной системы безопасности. Оно осуществлялось в форме дислокации военных кораблей в Персидском заливе и Средиземном море, а также через расширение сети опорных пунктов и баз на территориях государств региона. Как отмечали многие исследователи, это стало возможным благодаря признанию руководителей большинства арабских стран их неспособности обеспечить своими силами безопасность в регионе после войны в Заливе 1991 г. [1, С. 104] В результате заключенных в начале 1990-х гг. двухсторонних соглашений зона Персидского залива оказалась под прямым контролем США. По мнению председателя Комитета начальников штабов вооруженных сил США К. Пауэлла, американское военное присутствие является решающим фактором сохранения стабильности в этом районе [11].

Наземные и морские базы после войны в Заливе остались в Саудовской Аравии и Бахрейне. В мае 1991 г. государства Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), куда входили Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Бахрейн, Катар и Оман, одобрили предложение Вашингтона относительно увеличения военного присутствия стран НАТО. 19 сентября 1991 г. Кувейт подписал с США Соглашение об оборонном сотрудничестве сроком на 10 лет. Оно предусматривало дислокацию американской военной техники на его территории, оказание военно-технического содействия, проведение совместных маневров.

В июне 1992 г. этому примеру последовал Катар, заключив оборонное соглашение с США, согласно которому американская сторона получила доступ к его военной инфраструктуре. В документе также предусматривалось военно-техническое сотрудничество, консультационная помощь и проведение совместных маневров. В марте 1995 г. было заключено новое американо-катарское соглашение, предусматривающее складирование американской

бронетанковой техники для обеспечения сил быстрого развертывания США [9, С. 902 – 903].

Вместе с тем, расширение военного присутствия США в регионе шло далеко не гладко. Общественность и политическая элита арабского мира Ближнего Востока поддерживали мнение, что война в Заливе была скорее войной США и их союзников против Ирака, а не международной операцией по восстановлению мира и суверенитета одного из членов ООН. Отсюда молчаливое сочувствие Ираку и осторожный подход к инициативам американцев по развитию двухстороннего военного сотрудничества [1, С. 93 – 94].

В марте 1995 г. представители Катара и Омана не явились на встречу, которую проводил госсекретарь США Кристофер с министрами иностранных дел ССАГЗ. На ней он пытался убедить их не поддаваться требованиям многих стран мирового сообщества о смягчении санкций в отношении Ирака. В конце 1997 г. ОАЭ во время очередного кризиса, в связи с отказом Багдада сотрудничать со спецкомиссией ООН по разоружению, не согласились предоставить США свои аэродромы для проведения военной операции против Ирака. В декабре 1998 г., когда США приступили к подготовке операции "Лис в пустыне", руководство Саудовской Аравии подтвердило свою позицию, заявленную ранее, о том, что не допустит использования территории королевства для военных действий против Ирака. Этот запрет не распространялся на разведывательные полеты американских самолетов, осуществлявших мониторинг в "южной бесполетной зоне" иракского воздушного пространства.

Политика "двойного сдерживания", несмотря на ее неприятие со стороны арабских государств Ближнего Востока, являлась важнейшим элементом политики сохранения американского военного присутствия в регионе. За счет нагнетания страстей вокруг Ирака и Ирана Вашингтон поддерживал "регулируемую напряженность" на Ближнем Востоке. Во-первых, это был единственный рычаг давления на арабские государства, с целью заставить их поддерживать проамериканскую политику. Во-вторых, давление, оказываемое на Ирак и Иран должно было заставить "образумиться" другие "проблемные" страны – Сирию и Ливию. В-третьих, это была своеобразная силовая поддержка процесса мирного урегулирования ара-

бо-израильского конфликта, который развивался по американскому сценарию.

Для сохранения этой выгодной ситуации в Вашингтоне предпочитали не замечать никаких изменений в позициях Ирака и Ирана и попыток их руководства изменить ситуацию вокруг своих стран. Наоборот, американское руководство использовало малейшие трудности в процессе урегулирования иракской проблемы, чтобы усилить свое военное присутствие в регионе.

В августе 1992 г. когда правительство Ирака стало препятствовать работе инспекторов ООН, США разместили в Кувейте ракетные комплексы и дислоцировали дополнительно 7,5 тыс. военнослужащих. В январе 1993 г., сославшись на случаи нарушения кувейтской границы, США совершили авианалеты на Ирак и увеличили воинский контингент на 1 тыс. военнослужащих. В октябре 1994 г., под предлогом скопления иракских войск вблизи кувейтской границы, США довели свою военную группировку в Заливе до 12 тыс. человек, усилив её самолетами ударной авиации и кораблями ВМС. В феврале 1998 г. правительство Кувейта согласилось на дислокацию еще 6 тыс. военнослужащих в связи с опасениями относительно возможности применения Багдадом химического оружия [9, С. 924].

В декабре 1995 г. Вашингтон получил согласие Бахрейна на временное базирование на его территории американских военных самолетов для обеспечения безопасности своей военной группировки в Заливе. В марте 1998 г. правительство Бахрейна согласилось на продолжение военного присутствия США, а в апреле американский контингент был увеличен [9, С. 342].

В 1998 – 1999 гг. США пытались осуществить идею создания коллективной системы противоракетной обороны ССАГЗ. Однако до конца срока администрации Клинтона этот вопрос так и остался на стадии обсуждения.

События 2003 г., связанные с вторжением в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна, открыли новую эру в политике США по контролю Ближнего Востока. Прямое участие Вашингтона в военных действиях в регионе было следствием неспособности государств Ближнего Востока создать систему коллективной безопасности. Страны региона не смогли преодолеть своих

разногласий. Несомненно, это поворотный пункт в истории региона. Теперь его безопасность целиком и полностью зависит от войск Соединенных Штатов и их союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Родригес А.М.* Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.: ретроспектива и последствия "кризиса в Заливе" 1990 – 1991 гг. – М.: 2005.
2. США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИ-СИ, 1997.
3. *Aspin L.* Report on the Bottom-Up Reviw. – Wash.: 1993. October.
4. *Christopher W.* American Foreign Policy. Strategic Priorities. Delivered before the Senate Foreign Relations Committee. – Wash.: 1993. November 4 // Vital Speeches of the Day. 1994. January 1. Vol. LX. N 6.
5. Development in the Middle East, October 1994: Hearing before the Subcomm. on Europe a. the Middle East of the Comm. on foreign affairs, House of repress., 103d Congress, 2d sess., Oct. 4, 1994. – Wash.: 1994.
6. *Haas R.* Military Force: The User's Guide // Foreign Policy. Fall 1994. N 96.
7. *Khalizad Z., Ochmanek D.* Rethinking US Defense Planning // Survival. Vol. 39. N 1. Spring 1997.
8. *Mahnken T.* America's Next War // The Washington Quarterly. Summer 1993.
9. Middle East and North Africa. 1999.
10. National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Wash.: 1994. July.
11. New York Times. 08.03.2002.
12. *Perry W.* Annual Report to the President and the Congress. – Wash.: 1995. February.
13. Strategic Assessment 1996. Instruments of Power. National Defense University. Institute for National Strategic Studies. – Wash.: 1996.
14. *Ulman H., Getler W.* Common Sense Defense // Foreign Policy. N 105. Winter 1996.

THE USA MILITARY PRESENCE IN THE MIDDLE EAST AFTER THE END OF THE "COLD WAR"

© 2008 A.A.Kireev

Blagoveshchensk State Pedagogical University

The author analyses some aspects of the USA military presence in the Middle East as a part of the policy of the world key regions monitoring. The increase in military presence of the USA in the Middle East has been caused by the region states' inability to create the collective security system. This caused instability and threat to the interests of the USA.